

Irina Lach

Время в "Московской саге" Василия Аксенова: "Война и тюрьма"

Polilog. Studia Neofilologiczne nr 3, 133-143

2013

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Irina Lach

Akademia Pomorska
Słupsk, Polska

ВРЕМЯ В МОСКОВСКОЙ САГЕ ВАСИЛИЯ АКСЕНОВА: ВОЙНА И ТЮРЬМА

Ключевые слова: *время, ритм, настоящее, прошлое, война, тюрьма, семья*

Большое значение в современном понимании мира имеет категория времени, следовательно отражение мира в искусстве несет за собой представление о времени. Литература в большей мере, чем любое другое искусство, является искусством времени. Ощущение движения и изменчивости мира в многообразных формах времени находит в литературе свое отражение. Теоретическими проблемами художественного времени занимались крупные ученые Д. Лихачев¹, М. Бахтин², Ю. Лотман³. Многие исследователи изучали художественное время в целом ряде произведений русской литературы: в романах Достоевского⁴, в *Деле Артамоновых* Горького⁵, в ранних произведениях Л. Толстого⁶, в *Пиковой даме* А. Пушкина⁷. Д. Лихачев, будучи серьезным исследователем фольклора, проблеме времени в произведениях этого жанра посвятил много внимания⁸. Поскольку время имеет многообразные формы, трудно найти писателей, которые одинаково пользовались бы временем как художественным средством.

Художественное время трилогии *Московская Сага* В. Аксенова тесно связано с временем историческим, то есть отражает конкретную историческую эпоху. Второй том *Московской саги* носит название *Война и тюрьма*, что естественным образом тут же ассоциируется с годами 1941-1945. Это значит, что действие ро-

¹ Д. Лихачев, *Внутренний мир художественного произведения*, „Вопросы литературы”, Москва 1988, № 8.

² М. Бахтин, *Вопросы литературы и эстетики*, Москва 1975; М. Бахтин, *Эстетика словесного творчества*, Москва 1979.

³ Ю. Лотман, *Структура художественного текста*, Москва 1970.

⁴ Т. Цивьян, *О структуре времени и пространства в романе Достоевского Подросток*, Amsterdam 1976; Г. Волошин, *Пространство и время у Достоевского*, Прага 1933.

⁵ Я. Зунделович, *Роман-хроника Горького Дело Артамоновых (тема времени в романе)*, „Тр. Узб. Гос. унта, новая серия”, в. 64, Самарканд 1956.

⁶ Б. Бурсов, *Лев Толстой*, Москва 1960.

⁷ В. Виноградов, *Стиль Пиковой дамы*, Пушкинский временник, т. 2, Москва 1936.

⁸ Д. Лихачев, *Время в произведениях русского фольклора*, „Рус. лит-ра” 1964, № 4.

мана будет протекать в этом реальном времени – думает читатель. И он не ошибается. Но, с другой стороны, название этой книги может предполагать, что главные события и действия, разворачивающиеся в этом томе, будут происходить в хронологическом порядке, т.е. сначала война, а потом – тюрьма. В том случае проявился бы принцип линейности времени – его направленности в будущее. Что же происходит на самом деле?

Вторую книгу саги автор начинает цитатой из *Войны и мира* Л.Толстого «Для человеческого ума непонятна абсолютная непрерывность движения», подчеркивая гармоническую связь между эпиграфом и последующим текстом. Вступление развивает эту мысль и позволяет судить о том, что писатель считает себя непосредственным участником движения, истории, он идентифицируется с героями своего произведения. Он подчеркивает, что эпиграф ему был нужен «...главным образом для того, чтобы начать наш путь через Вторую мировую войну»⁹. В то же время, он еще раз показывает, насколько он чувствует историю, как сильно связан с описываемыми событиями. Возможно, чувство истории, чувство непосредственного участника исторического процесса могло усилиться у Аксенова в его эмигрантский период, когда и начиналась работа над *Московской сагой*. Автор подчеркивает также, что герои его романа играли не менее важную роль в ходе истории, чем и известные исторические личности, которыми насыщен роман.

С другой стороны, время, когда Аксенов писал роман, уже расставило все по своим местам: история Великой Отечественной Войны описана и в общем, и в деталях множество раз. Берясь за описание истории семьи Градовых во время войны, Аксенов уже давно имел свою выработанную точку зрения на все происходившее в Советском Союзе в этот период. Его авторское время в романе неподвижно, он как бы сосредоточен в одной точке, из которой ведет свое повествование. Такая позиция позволяет ему высказываться крайне критически по разным аспектам: способ ведения войны, бездарность руководства страны и командующих армиями, положение дел в тылу, ужасающая нищета и самопожертвование большинства и оплывание в роскоши и разврате немногочисленных представителей «элиты». Писатель не отделяет себя от изображаемого времени, он пишет о войне как знаток, как человек, знающий тему от начала до конца.

Во вступлении автором ставятся временные рамки: начало сороковых годов (начало войны) – конец войны. Тут же определен его взгляд на войну, которую он называет «феерией человеческих произволов» (7).

Весь второй том построен необыкновенно четко: сюжетные линии соединены одним временем – временем войны. Каждая глава – история одного члена многочисленной семьи Градовых или людей, тесно связанных с этой семьей.

Описание колонны новобранцев в затемненной Москве, спокойная констатация событий страшного лета 1941 года, размеренный ритм марширующей колонны задает темп всему повествованию. Одним из новоиспеченных солдат оказывается Митя Градов (Сапунов), приемный сын Кирилла Градова и его жены Цецилии Розенблюм. Описывая Митю в августе 1941 г., автор тут же разворачивает описание довоенной жизни Мити и его отношений с приемными родителями.

⁹ В. Аксенов, *Московская сага. Война и тюрьма*, Москва 2002, с. 4. Далее это произведение цитируется с указанием страниц в тексте.

«Отца приемного, Кирилла Борисовича, давно уже пропавшего в колымских тундрах, помнил все-таки отцом, может быть, даже больше, чем отцом, потому что не стерлась еще в нем память о настоящем отце Федоре Сапунове, жестоком и диком мужике» (9-10). Но вот жену отца он так и не стал считать матерью. «Никак не могла бестолковая, рассеянная, всегда донельзя нелепо одетая и не всегда идеально чистая... ученая марксистка... вытеснить из Митиной памяти гореловскую тошную мамку с ее зуботычинами...» (10).

С воспоминаний о семье Мити Аксенов начинает применять прием ретроспекции, характерный для всего второго тома *Московской саги*. Время настоящее оказывается неразрывно связанным с прошедшим, прошлое «идет» за героями, объясняя часто особенности их поведения, поступки, взгляды в настоящем. К тому же прошлое героев помогает проследить перемены, происходящие в них после испытаний, которые выпали на их долю.

Нынешнее время Цецилии занято стоянием в очередях у ворот Лефортовской тюрьмы. Время тянется с раннего утра, неподвижная почти очередь вьется перед входом в Лефортово весь день до темноты, и создается впечатление, что Циля застряла здесь навсегда со своими книгами, которые она пробует читать. Очередь иногда бесстрастная, иногда враждебная, но чаще всего не понимающая ее, которая все еще верит в то, что ее мужа осудили и сослали случайно. Циля, пожалуй, является единственной «застывшей» фигурой в этой войне, ее ничто не в состоянии изменить, время для нее остановилось в моменте, когда был арестован ее Кирилл. Даже соседка по очереди и будущая подруга Цецилии Надежда Румянцева позволяет себе проклинать «коммунистическую сволочь» («вчерашняя комсомолка, став жертвой режима, и не заметила, как быстро докатилась до белогвардейских словечек») (19).

От описания Лефортова и тюрьмы автор переходит к описанию так же важного Белорусского вокзала, который назван им «перевалочным пунктом войны» и «базой отправки к фронту и эвакуации из горящих западных областей» (21). Здесь же разворачивается важное событие для семьи Градовых: на фронт отправляется Савва, муж Нины Градовой и любимый ученик профессора и главы рода Бориса Никитича Градова. Темп действия вдруг увеличивается, время ускоряется – беганина, суета, поезд неожиданно резко трогается, Савва бросается к вагону с ощущением невозвратности молодости и прежней жизни. Старшим Градовым остаются только воспоминания о всех, кто уже успел исчезнуть из их жизни – прошлое не уходит, оно постоянно с ними.

Время движется вперед, за ужасным летом 1941 приходит не менее, если не более ужасная осень. Автор приближает читателей к очень важному моменту в октябре – собранию членов Политбюро ЦК ВКП(б) и командующих главными армиями на станции метро Маяковская. Сюжетное время замедляется, растягивается в ритм постукиванию эскалатора и шагов медленно прогуливающих по перрону станции генералов, которые молча ждут прибытия главных лиц. Все доблестные генералы, однако, не осмеливаются говорить откровенно о трагической ситуации на фронте, скованные страхом воспоминаний о тридцать седьмом. Молчание еще более замедляет действие, пока генерал-полковник Конин не взрывается («Бородинской битвы нам организовать на этот раз не удастся») (50). Воспоминание об истории, упоминание Бородина дает толчок вдохновения Жукову, и с этого

момента действие снова набирает соответствующий ритм, как бы факт поэти полного отсутствия времени для организации нужной обороны Москвы подтолкнул всех присутствующих к ускорению темпа принятия решений.

После трех первых глав Аксенов полностью останавливает движение романа и развитие событий, прибегая к интересному методу, который он называет антрактом. Антрактов всегда два. В первом дана видимость реального исторического времени, поскольку цитируются отрывки статей или кусочки информации из советской и зарубежной прессы (причем необязательно в хронологическом порядке) или сообщения по радио. Каждый второй антракт внешне абсолютно не связан с сюжетом романа, автор размышляет об истории России, используя элементы аллегории, мифологию и т.п. И только в последнем антракте, подводя итог (конец войны и конец книги), Аксенов представляет читателям рассуждения старого профессора Градова об «интоксикации войны» и его мечты о будущем – о будущем родины, свободной от тирана.

Но вот действие продолжено. Той же осенью далеко от Москвы и от фронта читатель видит Никиту Градова в двух сотнях километров от Магадана. Становится понятным, откуда в названии второй книги, книги о войне, появилось название «тюрьма». В то же время, когда на фронтах идут ожесточенные кровопролитные бои, в которых приходится участвовать членам семьи Градовых, кадровый военный Никита пробует выжить в бесчеловечных условиях Зеленлага. Он и ему подобные, невинно осужденные, проявляют необыкновенное мужество, стараясь сохранить человеческое достоинство и веру в жизнь во имя будущего. «Выжить – это была их основная задача, не упустить ни малейшей возможности поддержать тело и дух, которые были им нужны для каких-то будущих задач» (62). Его время в лагере движется монотонно и ритмично: день – ночь, вверх карьера – вниз, выжить, выжить, выжить, «если – я – еще – значит – я – еще» (63). Возвращения в прошлое в воспоминаниях способствует анализу всей его прошлой жизни, посвящения работе, а возвращение в день настоящий не приносит облегчения и не может заглушить опустошающего голода. Вдруг резкий рывок – время побежало вперед семимильными шагами: в течение нескольких дней на Градова неожиданно обрушивается водопад непредвиденных событий. Время подчиняется теперь другим законам: оно «сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым...»¹⁰. Короткий отрезок жизни – день, два, неделя – так насыщен важными событиями, что невозможно представить себе, что совсем недавно существовала (и существует по-прежнему где-то, как бы в другом измерении!) другая, страшная жизнь. После знаменательного совещания в метро решено освободить многих военных, в том числе бывший командующий состав из многочисленных лагерей. И начинается для Никиты новое время: «Он ни о чем не думал, а только жадно, ртом, ловил то ли воздух, то ли минуты этой перемены, будто стараясь испить все до конца и ничего не забыть» (66). Лагерь и годы, проведенные в нем, неожиданно становятся прошлым, но это прошлое с этой минуты будет преследовать его всю недолгую оставшуюся жизнь.

Следующая сюжетная линия, включенная во временной поток – линия Саввы Китайгородского, действие же происходит в ноябре 1941 года, то есть сохранена

¹⁰ М. Бахтин, *Вопросы литературы...*, с. 234.

хронологическая последовательность событий войны, все происходящие события связаны конкретными датами. Военный врач Савва Китайгородский вместе со своим госпиталем оказывается в чрезвычайно трудной ситуации, но продолжает свою нелегкую работу. Ни угроза окружения госпиталя, ни свистящие вокруг снаряды, ни зрелище ужасных ран не в состоянии помешать работе «...главного хирурга дивизионного госпиталя после трех месяцев работы в условиях общего отступления» (83). Во время операции мысли Саввы уносятся в прошлое, объясняя читателю путь Китайгородского на фронт, его неожиданное для него же самого решение продемонстрировать истинный патриотизм. Две временные линии – воспоминание Саввы о прошлом и время операции – сливаются в одну, «...пока он точно и умело, не теряя ни одной секунды, работал в брюшной полости прославленного летчика...» (91). Воспоминания о прошлой жизни, о жене помогают Савве сохранить спокойствие в обстановке хаотического обстрела, ускоряющегося вокруг беспорядочного движения, множества разворачивающихся событий в сгустке времени не более, чем 10 минут. Неожиданно время останавливается, и оглушительная непривычная тишина возвращает Савву к действительности – в этот момент все настоящее и прошлое для него кончается: вокруг него немцы, и они заставляют хирурга остаться с ними.

История приемного мальчика Мити Сапунова (Градова) оказывается для автора интересной, и в том же ноябре за сотни километров от места на фронте, где находится Савва, обнаруживается Митя. Он уже больше месяца в плену, его фронтовая история оказалась очень короткой: боевое крещение закончилось плачевно для него и всего его взвода плохо и наскоро обученных солдат. Ретроспективный взгляд на прошлое Мити дает картину трудной жизни в его родной семье, отличающейся от спокойной и теплой жизни в Серебряном бору в семье Градовых. Ярость и ненависть к пришедшим в село людям из армейского отряда («спастись от людей, стать волком») (107), чувства, почти забытые за годы жизни в профессорской семье, перемешиваются в его душе с благодарностью Градовым, а особенно Нине, которая успела за эти годы познакомить его с поэзией. Время, в котором находится Митя, является рубежом безысходности в романе, последней точкой (ноябрь 1941) периода безнадежности и тоски. Для Мити такой точкой отсчета становятся строки, которые «жгут» ему сердце.

Затерялась Русь в Мордве и Чуди,
И идут по той дороге люди,
Люди в кандалах...
И меня по ветреному свею,
По тому ль песку,
Поведут с веревкою на шее
Полюбить тоску... (113)

Оптимистические нотки появляются в книге, когда автор начинает описывать подготовку к наступательному движению Красной Армии. Главной фигурой здесь, конечно же, является новоиспеченный командующий фронтом генерал-полковник Никита Борисович Градов. В мыслях Никиты история похода врага на Москву во время войны 1812 года ассоциируется с тем, что происходит в 1941, анализ ошибок завоевателей помогает ему в организации наступления. Время

сгущается до нескольких минут короткой и интенсивной подготовки к основному бою, а затем наступает момент перейти к воспоминаниям, связанным с дружбой Градова и Вадима Вуйновича. Лагерное прошлое преследует одного и другого, но ударом для Вадима становится момент, когда он узнает, что Вероника Градова, жена его друга и тихая мечта всей его прежней жизни, тоже была арестована и провела несколько лет в лагерях. Неожиданно прошлое приводит их к необыкновенному сближению душ: «Несколько секунд они смотрели друг на друга и вдруг распознали друг в друге за личинами сильных военных мужчин дрожащих лагерных полудоходяг. Момент был такой сокрушающий, что они едва не бросились друг другу на грудь, чуть не разрыдались» (118). Оба мужчины оказались несломленными, но лагерная жизнь Вероники изменила ее навсегда. Четыре года разлуки с мужем, старания выжить любой ценой ради детей разрушили все чистые и нежные семейные отношения, и Никита с тоской думает о том, что настоящей, прежней Вероники уже нет, «Вероника не вернулась» (129).

Автор еще не раз будет возвращаться к прошлому своих героев, но в описываемом ноябре 1941 года время, наконец, устремилось к будущему, к будущему позитивному, к будущему, в котором генерал-полковник Градов считает наступление и дальнейшие военные действия своим звездным часом.

В следующих главах романа автор переносит читателей в март 1942 года и в таком же спокойном и размеренном темпе описывает Москву глазами Дода Тышлера, врача, работавшего на фронте вместе с Саввой Китайгородским. Он вынужден рассказать профессору Градову о последних минутах, когда он видел Савву, однако момент, когда они расстались, оставляет надежду на то, что Савва может быть жив. Воспоминания о зяте, муже его любимой дочери, проникнуты грустью и жалостью, поскольку глава семьи Градовых считал Савву почти сыном: «... для меня он был чем-то вроде модели сына, почти продолжателя династии...» (151).

Авторское отношение к прошлому – войне – очень ярко показано при описании приема командующего состава армии в Кремле. Четкий военный ритм повествованию задает движение людей в начищенных сапогах, эти «сапоги» отодвинули пока непосредственную угрозу от Москвы, впереди еще много испытаний. Но поскольку «на войне живешь минутой» (163), среди офицеров царило оживление и отличное настроение. Военное время успело их сильно изменить: все уверены в том, что времена лагерей уже прошли, их начинают ценить, они уже не трепещут от благоговения, а позволяют себе шутить в присутствии вождей. Автором перечислено и описано большое количество исторических лиц, их судьбы часто похожи на судьбу генерала Градова, и они все не могут избавиться от воспоминаний о лагерях и о судьбах тех, кто так и не вернулся. Однако происходящее в настоящем проникнуто также мыслями о будущем и надеждами на будущее: переход ко второй, наступательной фазе войны, предстоящие сражения, ленд-лиз, антигитлеровская коалиция. В мыслях Никиты – почти ода настоящему: «Вся склизкая мерзость сдвинута швабрами истории в прошлое, сегодня мы все едины, история предоставляет нам шанс отмыться добела!» (170).

Действие романа замедляется, когда автор позволяет Никите блуждать мыслями по истории воин, рассуждать о прочитанной иностранной прессе, о сути войны и, наконец, «отрешиться от военно-политического значения своей персоны, вернуться к своей сути...» (176).

Переключая время назад, автор останавливается на описании встречи Сталина с министром государственной безопасности после завершения приема генералов в Кремле. Лаврентий Берия, будучи правой рукой тирана, сам безумно его боится, однако мечтает о том, чтобы «одномоментно» изменить ход истории. Почти равные противники – Берия и Сталин – разговаривают так, чтобы в их словах были скрытаны их действительные намерения, а в мысли Сталина писатель вкладывает мечту о господстве над миром, и тиран только сожалеет, почему ему «...выпала паршивая Россия для воплощения великих идей?» (187).

Далее читатель попадает уже в лето 1943 года – время идет вперед, война продолжается. Знакомясь со страницами романа, где описывается дальнейшая судьба Мити Сапунова, читатель уже знает, что познакомится не только с настоящим бывшего советского военнопленного, но и с тем, что происходило с Митей за последние полтора года. Митя изменился не только внешне (сильно вырос), но и внутренне, он постепенно начинает понимать, что ему не по пути с предателями и изменниками, которых больше всего среди власовцев. Он даже пробует проанализировать свою жизнь и проходит к неутешительному выводу: «Что за говняная такая у меня складывается биография?» (199). Уже не первый раз Митя, вспоминая прежнюю жизнь, ловит себя на том, что на войне сам себе кажется не настоящим, а как будто играющим какую-то роль, для него все человеческое «оборачивается отвратным кривлянием» (200). Эти мысли и воспоминания приводят к тому, что он с неразлучным Гошкой деловито и размеренно зашагали вдоль дороги, делая вид, что конвоируют колонну, таким образом убегая из власовского отряда. Еще не раз во время скитаний по лесу будет вставать перед его глазами жизнь в градовском доме, жизнь, полная любви и добрых человеческих отношений, жизнь, которая не позволила ему скатиться на самое дно подлости.

От традиционного уже описания автором Москвы в военный период веет, наконец, оптимизмом, поскольку столица к осени 1943 года начинает постепенно возвращаться к своему прежнему облику. Происходит быстрая смена временного плана: от настоящего – быстрый скачок в будущее (до 1959 года), возвращение к настоящему (в Москве Вадим Вуйнович), а далее – история Вадима. Создается интересная ретроспективная цепочка: сначала последние фронтовые действия с участием Вуйновича, потом история его женитьбы на восточной женщине, затем еще более далекие времена его влюбленности в Веронику Градову. Временные пласты пересекаются, в настоящее вдруг врывается страшный тридцать восьмой год, когда к ногам Никиты Градова было брошено письмо из проходящего тюремного поезда, а Никита попросил Вадима еще тогда доставить его в Москву. Это письмо, которое так и не будет в этот раз отправлено, опять будет ждать будущего. А будущее рисуется теперь оптимистически: «Новый воздух приносит необъяснимый подъем. Кажется, что впереди все-таки еще есть какое-то будущее» (238).

Действие не оставляет Москву, в Кремле происходит важное событие – банкет в честь западных союзников. Во время войны даже здесь произошли серьезные перемены: военачальники были приглашены на банкет с супругами, а поведение главного кремлевского «хозяина» вызывает даже не удивление, а шок – Градов после долгого спора удостоился похвалы Сталина. В описание радостной атмосферы банкета вливается также описание прошлого Вероники, история недавнего повышения Никиты в звании, воспоминание о том, что Никита – бывший «враг

народа», и даже появляется человек из прошлого – грузинский двоюродный брат Никиты. На этом же банкете происходит очень важное для будущего Вероники событие – она знакомится с полковником из американского посольства Кевином Телавером. Но мысли маршала Градова не переносят его в будущее, а как бы подводят итог всей его карьере и жизни: «...со мной что-то неладное происходит... в человеческом смысле неладное. Я превратился в какую-то командную машину. Во мне все человеческое было живо, даже в лагере. Теперь – засыхает...» (259).

Сюжетная линия Бориса IV, сына Никиты и Вероники, появляется на фоне воспоминаний маршала о родном доме, о семейной атмосфере, уюте, всеобщей любви. Никита устал от войны, ему хочется прикоснуться «к чему-то своему, исконному, невоенному, неисторическому...» (266), и он после банкета позволяет себе заехать в Серебряный Бор и просто посмотреть на родной дом. В это время его сын еще спит, а с приходом утра начинается обычный для этого дома день. Читатель видит размеренный ритм жизни в доме с традициями, где из поколения в поколение передается скромность, честность, интеллигентность. Эти качества привиты и мальчику, семнадцатилетнему Борису. Но никто из родных еще не знает, что московский школьник уже определил свое будущее – вместе со своим другом в этот день 1943 года они отправляются в тайное училище, где требовались молодые ребята для обучения диверсионной работе в тылу врага.

Хронологический порядок повествования сохранен, далее действие уже разворачивается в конце марта 1944 года. После ошеломляющего успеха песни *Тучи в голубом* поэтесса Нина Градова оказывается с агитбригадой на фронтовом концерте. Начитанная, интеллигентная, бойкая Нина, модернистка и эстетка, вдруг оказывается среди огромной массы простых солдат, чувствует себя несколько неловко, но неожиданно патриотические чувства дают о себе знать, и она понимает, что является только маленькой частичкой широкой народной массы. Появляется, конечно же, и прошлое, а вернее человек из прошлого, друг ее тифлисской юности Сандро Певзнер. Во время их встречи мимо проводят колонну пленных, и как мгновенная вспышка, мелькает в их рядах знакомое Нине лицо. Это лицо – опять появившийся Митя Сапунов, историю которого с лета 1943 до изображаемого времени повествует автор. В то время, когда Митя наконец начинает чувствовать себя своим в партизанском отряде, когда ему кажется, что он сражается за действительно правое дело, в отряде появляются особисты, и Митя опять записан в предатели Родины. Нина и Сандро позволяют себе помечтать о будущем (правда, взгляды на будущее у них диаметрально противоположны), а у Сапунова все та же цель – уцелеть, и ради этой цели он совершает преступление.

Той же весной, но уже в апреле, маршал Градов спокойно и размеренно прогуливается вдоль пруда в маленьком прусском городке. Чем ближе конец повествования, тем больше проблем нравственного характера вкладывает автор в рассуждения Никиты, как будто все проблемы, связанные с ужасающей войной и историей Отечества, должны быть по возможности разрешены Никитой перед его смертью. Переплетаются временные пласты прошлого и будущего – мысли Градова касаются не только недавних событий (наступление, переговоры с поляками, оказавшимися с советском тылу), более далеких (перемена Вероники), опять более близких (сражение за Вильнюс), но и вопроса, что же произойдет в ближайшем будущем (массовый «откат» населения на запад). Настоящее же, в его понятии, вы-

глядит следующим образом: «Впервые за столько лет, после униженной рептильной жизни, наш народ совершил колоссальный нравственный подвиг, обрел новое достоинство» (315). Никита, однако, понимает, что за его нравственную чистоту (гуманное обращение с поляками, приказ о расстреле мародеров) ему опять недобровать, на него снова собирают компрометирующую информацию.

В тот же вечер, когда маршал рассуждал о поляках, «польским вопросом» был занят и его сын. Время, в котором развиваются события, связанные с Борисом младшим, более сгущено и ускорено: здесь и его учеба в училище, и первые тайные задания (например, пустить под откос вражеские поезда), последующие быстрые действия (налеты) на территории Польши, парашютный десант на Варшаву. Глубокое разочарование юноши тем, с кем и за что ему приходится сражаться, приводит его к неутешительным мыслям: «Что-то мы не то ... делаем, что-то неправильное» (337).

В апреле же 1945 обрывается одна из главных сюжетных линий – маршал Градов погибает. Время «взрывается» так, как взрываются фаустпатроны, выпущенные четырнадцатилетними мальчишками из фолькштурмистов. Градов так и не успел узнать, что за последнюю ночь многое изменилось, и для него опять приготовлен какой-то удар от своих. В последний момент своей жизни чуть более сорокалетний маршал успел осознать: « ...Теперь прохожу дуновением в кустах под окном моей матери» (348). Надеждам некоторых иностранных экспертов, которые «видели в маршале Градове некий будущий день России» (350), не было суждено сбыться.

Время течет далее, и читатель знакомится с нынешней жизнью вдовы маршала, которая как бы невзначай начинает встречаться с американцем Телавером. Писатель посвящает только несколько строк прошлому Телавера, однако, следуя правилу ретроспекции, обращается к предсоветскому периоду его жизни. Что касается описываемого настоящего, читателю становится ясно, что этот любитель русской литературы не настроен оптимистически по отношению к будущему России и намерен увезти Веронику в Америку. Вдова маршала ему доверяет и в порыве откровенности рассказывает и об убежавшем на фронт сыне, и о годах молодости, о знакомстве с Никитой («Не странно ли слышать, как стратегическое понятие Второй мировой войны называют по имени, Никитой?») (356), о вечерах в Серебряном Бору и, наконец, о своем аресте. Следуя хронологии, автор подчеркивает дату – это уже последняя неделя Второй мировой войны. А в июне 1945-го запуганная родственником, который работает в органах безопасности, она принимает решение уехать с Кевином Телавером. «Они меня уничтожат, думала она. Как только он уедет, мне конец. И всем моим конец; теперь уж они не отстанут...» (365).

Заключительные главы второй книги *Московской саги* посвящены Цецилии Розенблюм и ее мужу, Кириллу Градову. В нынешнюю размеренную жизнь Цили врывается новость, которой она ждала всю войну: жив ее муж. Ее прошлая жизнь в московской коммуналке, знакомство с Надей Румянцевой в очереди у ворот Лефортовской тюрьмы, жалкое полуголодное военное существование (нераскалявшаяся жена врага народа!) служит фоном для ослепительной радости – с Колымы приехал человек, который лично знает и Кирилла, и мужа Нади. Его приезд вдыхает в них надежду: «Войне конец, и тюрьме конец» (382). Тюрьма, по времени соответствующая войне, по замыслу автора находит свое окончание именно с концом войны и с началом новой эпохи, эпохи «большой технологии».

Хронологически действие второй книги кончается в октябре 1945 года символической сценой в Елоховском соборе, где оказываются Вероника и Кевин перед отъездом из СССР и где проходит торжественная литургия в связи с окончанием войны. Собор в этот момент объединяет две сюжетные линии Вероники и Кирилла, который постепенно, под влиянием своего лагерного товарища по несчастью, приходит к вере в бога. Он, марксист, записанный в государственные преступники, пройдя в течение восьми лет лагерей через все круги ада, начинает сомневаться в сущности теорий, которыми жил и которые проповедовал. «Что значит наш земной путь с его триумфами и провалами...? Что все это значит и не является ли весь наш марксизм простым увеливанием от вопроса? Весь этот революционный порыв, которым я с такой страстью и верностью жил, лишь увертка?» (388-389). В то же время душевные сомнения Кирилла, нравственные вопросы, которые он пробует ставить, его страдания объединяют его с погибшим братом Никитой, о смерти которого он еще не знает. Вера в человека и в нравственные принципы, которые братья впитали в себя с детства, претерпевает изменения в минуты тоски и боли, вызванные обилием смерти, подлости, открытого террора по отношению к людям.

Последние временные пласты – это настоящее и прошлое медбрата Стасиса, оказавшего сильное влияние на Кирилла, помогающего ему обрести веру в бога и понимающего его душевную и физическую боль. Прибалтийский монах, изучавший медицину, убежден, что даже на лагерной Колыме можно быть счастливым. У него свое кредо, так нужное в данный момент отчаявшемуся Кириллу: «Вера и жизнь – это одно, если ты это постиг, значит, победил» (392). Стасис старается приобщить солагерников к этой вере – вере в бога и вере в жизнь – понимая, что для осужденных вера – это спасение души.

Рассуждения старого профессора Градова «закрывают» время войны. Его философствования на тему интоксикации войны, старости – «закатного часа», кратковременности жизни подводят итог тяжелейшему времени в истории советского государства. «Старому профессору кажется, что кто-то вместе с ним проходит через те же мысли...» (398). Вероятно, это не только выжившие после военного кошмара члены его семьи, но и автор повествования.

Библиография

- Аксенов В., *Московская сага. Война и тюрьма*, Москва 2002.
Бахтин М., *Вопросы литературы и эстетики*, Москва 1975.
Бахтин М., *Эстетика словесного творчества*, Москва 1979.
Бурсов Б., *Лев Толстой*, Москва 1960.
Виноградов В., *Стиль Пиковой дамы*, Пушкинский временник, т. 2, Москва 1936.
Волошин Г., *Пространство и время у Достоевского*, Прага 1933.
Зунделович Я., *Роман-хроника Горького Дело Артамоновых (тема времени в романе)*, „Тр. Узб. Гос. ун-та, новая серия”, в. 64, Самарканд 1956.
Лихачев Д., *Внутренний мир художественного произведения*, „Вопросы литературы”, Москва 1988, № 8.
Лихачев Д., *Время в произведениях русского фольклора*, „Рус. лит-ра” 1964, № 4.

Лотман Ю., *Структура художественного текста*, Москва 1970.

Цивьян Т., *О структуре времени и пространства в романе Достоевского Подросток*, Amsterdam 1976.

Summary

Time in *Moscow Saga* by Wasilij Aksionow: *War and Prison*

This article is devoted to a problem of art time in the second of three books *Moscow Saga* by W. Aksionow. The book is titled *War and Prison*. The research material presents the art time in the novel which is based on historical events and actions during the Second World War II. The analysis conducted has enabled us to conclude that influence of the heroes' past lives on the present ones has led to great changes in their minds.

Key words: *time, rhythm, present, past, war, prison, family*